

DOI 10.35775/PSI.2025.124.12.031

УДК 327.57

ИНЬ ЖУЙ

аспирант, Санкт-Петербургский

государственный университет,

Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: 916768332@qq.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИСКУРСИВНАЯ СИЛА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

В статье затрагиваются актуальные проблемы определения и содержания понятия дискурсивная сила в контексте анализа внешнеполитической деятельности Китая. Актуальность данной предметной области обусловлена процессами трансформации международных отношений и перехода к модели многополярного мира, в котором одним из центров силы является Китай. Тенденции возрастания роли стран-участниц БРИКС в международных отношениях мотивирует исследования их внешнеполитического опыта. Целью исследования является определение роли и тенденций влияния китайской дипломатии на формирование концептуальной модели будущего мирового сообщества. В ходе исследования были решены задачи интерпретации основных понятий, описания тенденций изменения инструментария китайского влияния в мире, анализ подходов к китайскому влиянию в международных отношениях на современном этапе. Автором применялись формально-логические методы анализа вторичных данных исследований, сравнения, сопоставления. Теоретическая значимость исследования заключается в проработке вопросов дискурсионной силы как инструмента «мягкой силы» в китайской дипломатии, описание форм ее проявления. Для российского научного сообщества, результаты исследования могут представлять практический интерес в контексте разработки концептуальных основ российской политической школы международных отношений. В ходе исследования источниками стали результаты исследований российских и китайских авторов, опубликованных в ведущих научных журналах

Ключевые слова: мягкая сила, дискурсивная сила, международные отношения, многополярный мир, конкуренция, глобальная безопасность, внешнеполитическая стратегия.

Введение. В основе современной дискуссии среди ученых находятся различные аспекты трансформации миропорядка. В заявлениях глав государств, входящих в такие межгосударственные объединения как БРИКС и ШОС, часто можно услышать о концепции многополярного мира.

Китай – одна из древнейших цивилизаций с длительной историей своего развития и становления. В тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии, Китай не всегда занимал лидерские позиции. На рубеже XIX–XX веков, эта страна

находилась в полуколониальном положении, что было обусловлено промышленным и экономическим отставанием.

Но в ходе истории Китая, общественно-политической и управленческой мысли, с постепенным синтезом результатам международных достижений сформировались эффективные подходы к формированию лидерства этой страны на современном историческом этапе.

Многополярный мир как синтетическое понятие подразумевает под собой состояние международных отношений, где партнерство строится на основании суверенитета независимых государств, а не на лидерстве отдельных государств, формирующих общую для остального мира политическую повестку, экономическую и культурную модель развития.

Китайская Народная Республика в этом контексте представляется одним из драйверов мировых изменений, учитывая экономический, демографический и ресурсный потенциал этой страны.

Поэтому анализ внешней политики Китая привлекает к себе внимание исследователей всего мира.

Так, при ближайшем рассмотрении, обращает на себя внимание стремление Китая избегать вооруженных конфликтов при наращивании военной мощи как фактора сдерживания.

Применение той или иной силы зависит, как правило, от того, какой у страны военный потенциал или состояние экономики, но имеет значение и то, какой дискурс у данной страны более убедителен. Иными словами, важны не только военные и экономические возможности, но и культурный потенциал, социально-политический уклад и образ жизни данной страны [21. С. 117-124].

Китай, как одно из самых влиятельных государств в международных отношениях, обладает большим набором различных инструментов лоббирования своих интересов на международном уровне.

Материалы и методы. В исторической ретроспективе последних лет, можно отметить поступательное движение к совершенствованию своей внешнеполитической стратегии и форм ее реализации.

Отмечается Боаосский форум в апреле 2022 года и XX съезд Коммунистической партии Китая в октябре 2022 года, в ходе которых председатель Си озвучил идеи «Глобального управления» и «Глобальной безопасности», которые были продиктованы возрастающими поставками вооружений и дипломатической поддержкой со стороны США Тайваню, а также продолжающимся российско-украинским конфликтом [22. С. 194-209].

Современная повестка политического лидерства Китая складывалась с середины XX века, когда Китай встал на путь реформ, желая преодолеть хозяйственно-экономическую и социальную отсталость.

Миротворческие инициативы китайской стороны, выраженные в стремлении сформировать международные механизмы достижения консенсуса в различных ситуациях, отражают ту эволюцию поиска новых концепций внутренней

и внешней политики, которые начали формироваться еще в период руководство Дэн Сяопина, проявлялись при разных обстоятельствах в XXI веке.

Это достаточно хорошо просматривается на примере отдельных направлений внешнеполитической стратегии по отношению к соседям и партнерам.

«Мягкая сила» как инструмент достижения политических целей берет свое начало в философии ненасилия, сформировавшейся как симбиоз достижения христианской мысли, гуманистических идей и как политический инструмент обрела свою значимость в общественных движениях Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга.

Наиболее характерным примером является политика Китая в отношении стран Центральной Азии. Несмотря на то, что китайские эксперты отмечают, что связь их страны с данным регионом была утеряна от становления советского государства фактически до начала XXI века, существует огромное количество направлений сотрудничества и точек соприкосновения, прежде всего, в вопросах инфраструктуры и безопасности. Эти потребности внешних связей отражаются в концепции «Один пояс – один путь», а раскрывая сущность «мягкой силы», положенной в данную концепцию, надо указать на то, что основные ее принципы формулировались еще в 1954 году в так называемой концепции «Пяти принципов мирного сосуществования», которые существовали между Китаем и Индией [2. С. 89-92].

В качестве интерпретации основных категорий, отмечается, что под «мягкой силой» в международных отношениях предполагается комплекс мер по достижению своих дипломатических целей посредством реализации совместных культурных и образовательных программ, экономического влияния, в том числе и инвестирования.

В рамках методологических подходов политической психологии и лингвистики, обращает на себя внимание информационная политика позиционирования собственного вектора развития и дипломатических приоритетов, для чего используются и современные информационно-коммуникационные каналы – социальные сети.

В качестве примера приводится опыт поведения китайских властей и публичных политиков в ситуации пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, где много обвинений адресовалось именно китайским властям. Некоторые исследователи отмечают закономерность возрастания категоричной воинственной риторики именно в рамках «виртуальных войн».

Как отмечают эксперты, это, во-первых, направленно на внутреннюю аудиторию и должно демонстрировать высокий статус и прочность государства. Во-вторых, выделяет, персонифицирует китайских представителей, что не вполне характерно для китайской политической жизни, делает акцент на индивидуальности. В частности, отмечается представитель МИД Чжао Лицзянь, который внес значительный вклад в поддержании публичного имиджа страны в ходе отражение волны критики, связанной с пандемией [24. Р. 44-58].

Затронутая проблематика важна в контексте понимания сущности и интерпретации понятия «дискурсивная сила».

Следует подчеркнуть, что в работах китайских и российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 7; 9; 10; 12; 15; 16; 19; 23].

Однако проблему дискурсивной политики как инструмента глобального влияния через формирование международной повестки нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Результаты. Анализ вторичных данных исследований современных авторов указывает на то, что на само определение не обращается должного внимания.

Достаточно обобщенно, дискурсивная политика определяется как инструмент глобального влияния через формирование международной повестки, нарратива.

Более детализированным определением является «производство необходимых эффектов посредством мобилизации сознательно конструируемых дискурсов или определенных коммуникативных событий в целом и вербального взаимодействия или использования языка в письменной или устной форме в частности» [17. С. 155-164].

Синтезирующим звеном является способность идейно воздействовать, формировать смысловые конструкты, которые отвечают запросам или могут быть востребованы широкой общественностью на международном уровне.

Обращают на себя внимание несколько основных аспектов, ярко выраженных в китайской публичной политике в последнее десятилетие.

Во-первых, возрастание роли дипломатии и дипломатического слова, формирование подходов к его рациональному использованию. Дипломатический дискурс, при этом, подкрепляется как положительным имиджем страны, так и определенным перечнем средств принуждения. Во-вторых, содержательно предлагается интегрировать идеи глобального сознания и терпимости как продвигаемый китайским дипломатическим дискурсом нарратив, что является логичным продолжением «Пяти принципов мирного сосуществования» [20. С. 208-215].

Принято выделять основные предметные области исследования китайского дипломатического дискурса в соответствии с направлениями во внутренней и внешней политике:

- концепция «нового типа отношений»;
- концепции «Сообщество единой судьбы человечества»;
- стратегия межрегиональной интеграции «Один пояс, один путь»;
- преемственность и новаторство новой политической элиты [6. С. 79-97].

Раскрывая сущность китайского дипломатического дискурса, выделяются основные его мотивы – миротворчество, поиск глобального консенсуса, межрегиональное сотрудничество, совершенствование торгово-логистической

инфраструктуры и ее экономического, политико-правового, социального, духовно-культурного обоснования и поддержки.

Современная модель лидерства Китая в международных отношениях базируется на той внутривнутриполитической системе, поскольку, как было заявлено выше, интересы внутренней политики Китая определяют ее вектор внешнеполитического и внешнеэкономического развития.

Как уже отмечалось, система международных отношений, которая была сформирована еще Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями. В ситуации, когда задаются параметры нового мирового порядка, способность предложить идеологические и цивилизационные конструкты, отвечающие как национальным интересам, также и востребованные в масштабах всего человечества, позволяет занять лидирующие позиции.

Что наиболее важно и обращает на себя внимание не только исследовательского сообщества, но и непосредственно мировых политических элит, это факторы лидерства Китая. Внутренняя дискуссия среди китайских специалистов указывает на то, что дискурсионная сила растет пропорционально с материальной силой. И если учитывать различия в распределении экономической и военной мощи, развивающиеся государства не способны изменить *status quo* и навязать свои нарративы, быть в полной мере услышанными, то они применяют инструменты совершенствования своего потенциала, разработанные странами, в прошлом бывшими колониальными гегемонами [13. С. 367-380].

Именно в этом контексте, путь формирования «мягкой силы» (и дискурсивной силы как ее проявления) является наименее травматичным и рискованным и дающим большие шансы на успех.

Обращая внимание на прикладные инструменты китайского влияния и инструментария формирования собственного дискурса, отмечают сеть Институтов Конфуция, активное участие в программах культурного обмена, а также, что обладает особой ценностью для научно-технической трансформации, являющейся, в свою очередь, ключом к экономической и военно-технической мощи, в программах академического обмена [11. С. 42-52].

В полной мере оценить потенциал предлагаемых на международном уровне концепций достижения всеобщего блага проблематично или вообще невозможно, если не продемонстрировать эмпирические доказательства собственной состоятельности, которые имеют количественное отражение в основных показателях функционирования общества и государства, динамике этих показателей.

Так, даже вероятные противники, в качестве которых на уровне средств массовой информации и общественно-политической общественности представлен так называемый «коллективный Запад», возглавляемый США, признают перспективы и темпы развития Китая. Национальный разведывательный совет сформировал прогноз, согласно которому китайская экономика выйдет на первое место и по объемам производства, и по покупательной способности к 2030 году [4. С. 165-170].

Как можно наблюдать, по ряду показателей, Китай достиг лидирующих позиций уже сегодня.

С точки зрения разработки методологического подхода к проблеме дискурсивной силы, выделяются несколько основных проблем, которые требуют своего решения:

- 1) избавление от стереотипного шаблонного мышления, поскольку сам предмет является многогранным, нелинейным общественно-политическим явлением;
- 2) инновационное развитие дискурсивных ресурсов и их интеграция в теорию дискурсивной силы;
- 3) расширение радиуса научного поиска, анализ большего количества материалов из смежных, мультидисциплинарных областей исследования;
- 4) формирование подходов к синтезу общечеловеческих ценностей (социальных, правовых, этических, религиозных), с целью формирования дискурса, наиболее полно отражающего интересы большого количества национальных государств и культур [14. С. 201-204].

Те конструкции международного дискурса, которые старается продвигать китайское государство и дипломатия, наиболее полно отражают те изменения, которые были зафиксированы в политической истории.

Как уже отмечалось выше, хронологически переломный момент можно отнести к реформам Дэн Сяопина, когда произошел отказ от агрессивной идеологической борьбы в пользу всестороннего экономического сотрудничества, для реализации которого требовалась мирная дипломатия [8].

К началу XXI века, Китай из позиции «ведомого», экономически и технологически уязвимого субъекта мировой политики, стал играть первые роли в мире. В связи с этим возник вопрос о том, что цивилизационно Китай может предложить миру, чтобы продолжать занимать лидирующие позиции в мире.

Озвученные выше концепции, транслировались в мир различными способами – и через выступления официальных лиц, но также и часто применяемый способ массовой культуры и гражданской дипломатии, которые должны распространять и аргументировать сформулированный китайский дискурс.

Как отмечается, не все эти попытки были успешными.

Отмечается, что Институты Конфуция, как проводники данного дискурса подверглись критике и встретили противодействие официальных властей тех государств, в которых они располагались. Так, в США было закрыто до 111 представительства из 118, в странах Северной Европы – Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании – были закрыты под предлогом обвинений в идеологической экспансии [5. С. 107-115].

По мере возрастания в мире дипломатического авторитета Китая, стоит полагать, что этот дискурс будет получать все большее распространение в мире.

Сегодня Китай имеет решающее значение среди стран, которых принято называть «коллективным Югом», куда входят страны БРИКС, а также ряд

государств Центральной Азии, Африки, Латинской Америки, где высоко влияние китайских инвестиций в экономические системы национальных государств.

В качестве примера, можно привести «Форум сотрудничества Китай – Африка», основанный еще в 2000 году как противовес японской инициативе Токийской международной конференции по развитию Африки. Еще в 2015 году Си Цзиньпин анонсировал выделение 60 млрд долларов различной формы финансовой поддержки странам Африки [18. С. 107-115]. Страны Африки, как богатые природными ресурсами регионы, являются важным аргументом в диалоге Китая с западными оппонентами.

Выводы. Резюмируя, нужно отметить несколько основных тезисов.

Во-первых, помимо конкуренции в сфере высоких технологий, экономического роста, инвестиционного и культурного влияния, Китай отвечает на цивилизационный вызов, формулируя свою модель будущего, в основе которого лежат принципы всеобщего блага, дипломатических консенсусов через экономические интересы.

Во-вторых, на теоретико-методологическом уровне, проблема дискурсивной силы получает широкое распространение и всесторонне прорабатывается в китайской политической школе, делая упор на совершенствование дипломатического инструментария.

В-третьих, китайский дискурс подкрепляется ростом влияния Китая в мире, то есть другие инструменты воздействия, в том числе и силовой, не исключаются в полной мере, тем не менее, они подчиняются сформулированной стратегии глобального будущего, основанной на инвестициях, технологиях и экономических преимуществах, развитии инфраструктуры и логистики.

На сегодняшний день, влияние китайской массовой культуры не так сильно, как остальные факторы, подкрепляющие китайский дискурс. Tik-Tok, популярная социальная сеть, которая конкурирует с передовыми видеохостингами в мире, не стала проводником китайской культуры, но сам факт способности китайских разработчиков конкурировать на международном уровне и в этом сегменте, что является косвенным подтверждением перспектив.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абилова Г.В.** Роль сопоставительного анализа социальных ценностей при разработке межгосударственных образовательных программ внутри БРИКС // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
2. **Альбитова Д.С.** Основные аспекты внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии КНР в Центральной Азии // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 11 (77).
3. **Афиногенов Д.А., Стародуб И.В.** Стратегическое планирование на пространстве Большой Евразии: научно-теоретическое осмысление проблемы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.

4. **Бейдина Т.Е.** Характеристики развития КНР как вероятного мирового лидера // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 22.
5. **Бонч-Осмоловская О.А.** Новое конфуцианство и внешнеполитический дискурс КНР: интеллектуальные основания китайской дипломатии // Уральское востоковедение: международный альманах. 2024. Вып. 14.
6. **Бояркина А.В.** Осмысление «дипломатии великой державы с китайской спецификой»: общее и особенное // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3.
7. **Ван Люин.** Стратегический выбор стран глобального юга в условиях глубоких изменений, невиданных за последнее столетие // Вопросы политологии. 2025. № 4.
8. Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация: монография / А.В. Бояркина, науч. ред. В.Ф. Печерица; Дальневост. федерал. ун-т. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2023.
9. **Волков А.П.** Центр-периферийная парадигма научно-образовательного сотрудничества государств БРИКС // Вопросы политологии. 2025. № 3.
10. **Го Шаньшань.** Россия и Китай в Центральной Азии: сравнение политики и взаимные отношения // Вопросы политологии. 2025. № 3.
11. **Денисов И.Е.** Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. № 4.
12. **Караванский А.С.** Роль России и Китая в объединении БРИКС в условиях становления многополярного мира // Вопросы политологии. 2025. № 4.
13. **Лексютина Я.В.** Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая / Я.В. Лексютина, Ю Юаньцзе // Российско-китайские исследования. 2023. № 7 (4).
14. **Ли Сыци.** Исследование внешнеполитического дискурса Китая // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92).
15. **Медведев Н.П.** Шанхайская организация сотрудничества (ШОС): основные направления деятельности (Часть I) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 4.
16. **Медведев Н.П.** Российско-китайские отношения: новый импульс развития сотрудничества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 9.
17. **Песцов С.К.** Дискурсивная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы «Один пояс – один путь» // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 22.
18. **Сафронова Е.И.** К вопросу о соперничестве Японии и Китая в Африке и Латинской Америке // Японские исследования. 2019. № 3.
19. **Фурсов С.В., Шумкин А.В.** Россия в рамках глобализационного проекта Китая: возможности и риски // Вопросы политологии. 2025. № 3.

20. Ху Июнь. Краткий обзор исследований дипломатического дискурса в Китае // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98).
21. Чао Бинцин. «Мягкая сила» как эффективный инструмент внешней политики Китая // Век глобализации. 2023. № 2.
22. Шмакова О.В. «Мягкая сила» Китая после XIX съезда КПК // Пути к миру и безопасности. 2024. № 1 (66).
23. Ярап Мурат. Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие Центральной Азии с использованием концепции неравномерного и комбинированного развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 4.
24. Selezneva N.V. Wolf Warrior Diplomacy – Foreign Policy for Internal Use in China // Управление и политика. 2022. № 1 (2).

YIN RUYI

Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

AN INTERNATIONAL DISCURSIVE FORCE IN CHINA'S FOREIGN POLICY

The article addresses the current problems of defining and containing the concept of discursive force in the context of analyzing China's foreign policy activities. The relevance of this subject area is due to the processes of transformation of international relations and the transition to a model of a multipolar world in which China is one of the centers of power. The growing role of the BRICS member countries in international relations is motivated by research on their foreign policy experience. The purpose of the study is to determine the role and trends of the influence of Chinese diplomacy on the formation of a conceptual model of the future world community. In the course of the study, the tasks of interpreting basic concepts, describing trends in the toolkit of Chinese influence in the world, and analyzing approaches to Chinese influence in international relations at the present stage were solved. The author used formal and logical methods for analyzing secondary research data, comparisons, comparisons. The theoretical significance of the study lies in the elaboration of issues of discursive power as an instrument of «soft power» in Chinese diplomacy, a description of the forms of its manifestation. For the Russian scientific community, the results of the study may be of practical interest in the context of developing the conceptual foundations of the Russian political school of international relations. In the course of the study, the sources were the results of research by Russian and Chinese authors published in leading scientific journals

Key words: soft power, discursive power, international relations, multipolar world, competition, global security, foreign policy strategy.